

А.В.Смирнов. Статьи по арабской философии в «Новой философской энциклопедии»
(М.: Мысль, 2000)

© А.Смирнов 2000

ИСТИНА в арабо-мусульманской философии понимается в наиболее общем плане как, во-первых, правильность соотношения между «явным» (зāхир) и «скрытым» (бāтин; см. *Явное*), когда эти две стороны соответствуют друг другу, а во-вторых, как связанная с этим «утвержденность» (сабат) и «необходимость» (вуджуб) вещи. Так понятая истина обозначается терминами «хақиқа» или «хаққ», противоположностью служит «буғлāн» (недействительность). В качестве «скрытого» рассматриваются, как правило, «смыслы», и соотношение «явное-скрытое» в силу особенностей понимания категории «смысл» (см. *Смысл*) выступает в двух аспектах — как отношения «выговоренность-смысл» и «вещь-смысл». Поэтому истина-хақиқа выражает онтологический аспект не более, чем эпистемологический, что проявляется во многих производных этого понятия, напр., хаққақа означает «обеспечить истину», т.е. либо осуществить нечто в бытии, либо постичь истину вещи: в том и другом случае речь идет о становлении «смыслов» как действительных, будь то вовне или в уме человека. Обладание истиной оказывается поэтому первым условием действительности вещи, и на этой основе различаются противоположное истине понятие «недействительность» (буғлāн), когда вещь или высказывание вовсе не могут состояться, и «испорченность» (фасād), когда вещь или высказывание состоялись, но имеют какой-то изъян (см. *'Ақл*). Принципиальной особенностью такого понимания истины оказывается также невозможность рассматривать истину вещи отдельно от самой вещи или до вещи, поскольку она заключается в действительной осуществленности вещи. С этим связано и понимание термина «хақиқа» (истинность), входящего в семейство понятий, группирующихся вокруг идеи сущности: он выражает реальную осуществленность тех смыслов, которые фиксируются в «чтойности» (мāхиййа) вещи (см. *Сущность*).

Все философские направления и школы считали истину (хаққ) важнейшей характеристикой Первоначала (в *исмаилизме* — Первого Разума), хотя наибольшая разработка этого понятия осуществлена в *арабоязычном перипатетизме* и *суфизме*. *Ибн Сīнā* рассматривает истину как фундаментальное свойство Начала, установление которого не зависит ни от чего другого, но логически вытекает из самого его понятия.

Выражающий понятие истины термин «*ḥaqq*» является масдаром (отглагольным существительным) и употребляется Авиценной в значении действительного причастия (что допускается арабской грамматикой), так что Первоначало понимается как «обеспечивающее истину», прежде всего — самого себя, но также и всех прочих вещей, т.е. поддерживающее их существование, с чем связано понимание Первого как Первопричины. Поскольку понятие истины прямо связано с необходимостью, Первое понимается и как «обеспечивающее необходимость» (*vādhib*), т.е. утверждающее существование, прежде всего собственное, а затем — и прочих вещей. Эти два аспекта, начало причинности и начало бытийной необходимости, весьма близки и логически производны от понятия истины. Начало отличается тем, что оно «истинно в своей самости» (*ḥaqq fī zāti-hi*), тогда как прочие вещи истинны благодаря чему-то другому. В «Книге Гемм» («*Kitāb al-fuṣūṣ*»), автором которой считается *al-Fārābī*, изложена утонченная диалектика «явленности» и «скрытости» истины-Первоначала, весьма напоминающая суфийскую разработку этого понятия, где истина (*al-ḥaqq*) понимается не как начало, принципиально отличное от производных от него вещей и в принципе не нуждающееся в остальном мироздании, но как способное быть началом другого только благодаря непосредственной связанности с этим другим, которое в силу этого составляет условие истинности самого начала и оказывается в существенном смысле не менее истинным, чем само оно.

Из понимания истины следует, что истина-*ḥaqq* как характеристика слова или высказывания отражает их внутреннее свойство и может не указывать на внешнее отношение к вещам, поскольку выражает соответствие «выговоренность-смысл», целиком заключенное в сфере вербального. Поэтому для характеристики соответствия вербального и реального используется другой ряд терминов, имеющих корень *ḥ-d-ḥ*, напр., *ḥidq* (правдивость), *ḥādiq* (правдивый), *taḥdīq* (установление правдивости). «Правдивость» является отношением между двумя структурами, вербальной и реальной, каждая из которых представляет собой соотношение «явное-скрытое», т.е. соответственно «выговоренность-смысл» и «вещь-смысл»: если смыслы двух структур совпадают, высказывание считается правдивым, в противном случае — ложным (*kāzib*). Из этого следует, что значение правдивость/ложность может быть приписано только тем высказываниям, истина которых может быть сличена с истиной вещей. На этой основе уже мутазилистами были установлены модальности высказываний, которым

не может быть приписан статус правды или лжи: «вопрос», «приказание и запрет», «сожаление», «надежда» и «просьба», в отличие от «утверждения или отрицания», «похвалы или осуждения», а также «удивления». Хотя в принципе правдивость и ложность признавались дихотомическими характеристиками высказывания, некоторые мутазилиты считали, что они могут быть установлены только в том случае, если говорящий знал истину вещи (т.е. тот смысл, на который указывает вещь), иначе высказывание является просто «случайным» (‘āсир). В арабоязычном перипатетизме в качестве «установления правдивости» (тақдїқ) выступает силлогистика, которой необходимо предшествует «запечатление» (тақаввур), т.е. выявление смыслов используемых в силлогизмах слов.